

А. А. Трошин

Метафора «чужого» в контексте социокультурных процессов в СССР после окончания Второй мировой войны

В фокусе внимания статьи – проблема функционирования метафоры «чужого» в культурном коде. На материале истории СССР 1940–60-х гг. показывается символизация понятий, применяемых в идеологических кампаниях по дискредитации отдельных социальных групп. Литература рассматривается как способ маркировки динамики и направленности таких кампаний. В статье делается вывод о том, что в послевоенное время в СССР сосуществовали формирующиеся группы двух различных типов нового среднего класса, один из которых поддерживался политической властью.

Ключевые слова: культура обыденности, метафора, понятие чужого, утопия, история СССР, средний класс, идеология, маркировка общественных процессов, советская литература.

A. A. Troshin

Metaphor of "Alien" in the Context of Social and Cultural Processes in the USSR after the End of the World War II

The focus of the article is concentrated on the functioning of the alien-metaphor in the cultural code. On the material of the history of the USSR in 1940–1960 the author examines the symbolisation of the concepts that were used in the ideological campaigns aimed at the defamation of the certain social groups. Literature is considered as a way to mark the dynamic and trends in these campaigns. The conclusion of the article states that in the post-war period in the USSR co-existed the emerging groups of two different types of the new middle class, one of which was supported by the political power.

Keywords: culture of commonness, a metaphor, alien concept, utopia, history of the USSR, a middle class, ideology, marking of the public processes, Soviet literature.

Проблемный вопрос о формировании социальной базы, позволившей политическому режиму в послевоенном СССР восстановить иерархию власти и контроль над обществом, по-прежнему носит дискуссионный характер. Соглашаясь с предложенной Верой Данхем [16] концепцией «большой сделки» между государством и «новым средним классом» и с тем, что этот новый класс формировался в первую очередь из среды технической интеллигенции (что показано, например, в работе Эрика Даскина [17]), позволю себе обратить внимание на один аспект проблемы.

Формируемый после войны «новый средний класс» и те группы условного среднего класса, что сформировались в военное время и включали демобилизованных военнослужащих, квалифицированных рабочих и часть криминальной среды, неизбежно должны были, именно как сообщество,

вступить в конфликт друг с другом. В их противостоянии политическая власть взяла на себя функцию прямого подавления сообществ, порожденных военным временем, так как была заинтересована в устранении этого неконтролируемого источника напряженности и социальных инноваций. В одном ряду проводившейся политики находятся и пресечение массовых волнений на эвакуированных заводах, которые начались с августа 1945 г., и последовательные действия по разрушению любой целостности сообщества фронтовиков. Знаковой вехой здесь стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 сентября 1947 г. «О льготах и преимуществах, предоставляемых награжденным орденами и медалями СССР», согласно которому с 1 января 1948 г. были прекращены денежные выплаты по орденам и медалям и предоставление льгот.

То, что политический режим одержал верх в войне с «поколением победителей», по мнению Е. Зубковой, особенно в варианте, изложенном в ее ранних работах [7], объясняется депрессией населения, вызванной неурожаем и голодом 1946–47 гг. Глубокая политическая апатия не затронула лишь небольшие группы творческой и научной интеллигенции, так что властям для установления стабильности оставалось нанести буквально точечные удары. Они и наносились властью, начиная с «философской дискуссии». И при изложении истории СССР, как истории преимущественно политической, им традиционно уделялось основное внимание.

В последнее время происходит общая переоценка историками культуры эффективности и общественного значения массовых кампаний периода так называемой «ждановщины». Документированные исследования (например, книга Е. С. Власовой о ситуации в музыкальной культуре в связи с Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» [4]) показывают, что они приводили преимущественно к сплочению и структурированию отдельных групп элиты и к изменению стратегий доминирования в профессиональной среде, а отнюдь не к политической консолидации общества. Для решения этой задачи «громкие» кампании были вторичны и малосущественны; они просто не затрагивали многих слоев общества.

Основной областью общественного единения большинства была не очередная дискуссия о роли идеологии в искусстве, а стабилизация обыденной, рутинной практики, ее предсказуемость и прогнозируемость, – то есть возможность членам общества выработать и сохранять свой так называемый «жизненный опыт» как опору процессов ресоциализации и воспроизводства культуры, что непосредственно было связано с экономической ситуацией в стране. Таким образом, сложно возразить Дональду Фильцеру [14], считающему первостепенным фактором стабилизации выход экономики на довоенный уровень, благодаря которому к 1949 г. была восстановлена управляемость государственной системой. Сложнее реконструировать совокупность социокультурных факторов, сделавших это возможным.

В мотивационных схемах стабилизации более изучена их «положительная» составляющая, – модель идентичности, связанная с тем, что «война дала людям миф, позволивший переоценить прошлое» [15, с. 270]. К тому же «одной из самых сильных сторон советско-русской патриоти-

ческой идеологии было то, что она легко усваивалась и понималась на разных уровнях» [15, с. 270]. Но в процессе общественной стабилизации использовалась и мотивация к объединению в новые социальные группы, основанная на дискредитации демобилизованных и возникновению к ним как к общественной группе, претендующей на особые права, массовой неприязни. Этот аспект формирования социальной базы позднего сталинизма несколько «остался в тени». Во многом потому, что маркируется не референцией указов и нормативных актов, а художественной литературой. Таким образом, исходным пунктом его изучения должен быть социально-литературоведческий анализ, вызывающий у специалистов-историков некоторое недоверие (оно проявлялось, в связи с этим, и в упомянутой работе В. Данхем). Задача данной статьи – представить возможность такого анализа и проиллюстрировать примерами общую схему маркируемых социокультурных процессов второй половины 1940 – начала 1960-х гг.

Идеологическим обоснованием политики дискредитации фронтовиков стала трактовка победы как достижения всего советского народа, совершенного им исключительно в рамках политической системы: «Жизнь не дала нам передышки, отдыха после войны, да мы этого и не просили. Мы не умеем и не любим почивать на лаврах. <...> Мы всего достигли сами – победы, мира, счастья. Да, мы уже привыкли к миру, заживают раны, зарубцовываются шрамы, из пепла встают города, – но можем ли мы забыть войну? Это была всенародная война, отечественная, и мы все – ее ветераны. <...> Война была не только испытанием. Война была и нашей великой славой» [6]. Война представала в такой трактовке своего рода складкой, но никак не разрывом с довоенным миром. Отрицалось «возвращение с войны» как приход из другой, качественно отличающейся реальности. Война была тотальной, воевала вся страна, и у фронтовиков, в силу этого, нет особых прав, исключаящих их из норм и ценностей «мирной жизни». При этом «мирная» жизнь, в которую они вернулись, отнюдь не «послевоенная». Послевоенные в ней только трудности, а сама она неизменная, советская.

Войны как источника новых правовых или социальных норм не было и быть не могло. Все с нею связанные «права» – лишь социально чуждые пережитки. Таков лейтмотив кампании по «расчистке» места тому «новому среднему классу», о котором писала В. Данхем, от бесполезно,

на взгляд власти, занимающего это место «поколения победителей». Своеобразным «камертоном» кампании стал роман «Счастье» четырехкратно отмеченной сталинской премией (в том числе в 1948 году и за это) Петра Павленко.

Текст романа содержит множество фраз типа «избаловала вас война!», «не всякий фронтовик – передовик», «погоны да ордена нас не гипнотизируют» и пр. Определяется и объект новой классовой ненависти: «Вам-то хорошо [это сказано одноному вдовцу с разорванными легкими, приехавшему в Крым в надежде найти дом для себя и тяжелобольного сына. – А. Т.]: дачу возьмете, сад при ней, глядишь, три яблони – и те, слава богу, каких-нибудь полторы-две тысячи за лето дадут» [12, с. 13]. Главный герой, до осознания ложности своей жизненной позиции человека воевавшего и вследствие этого якобы имеющего особые права, и сам ничего против яблонь не имеет: «Дом до своей гибели был, очевидно, небольшим, – из четырех комнат с кухней (“То, что мне надо!”) и садиком впереди и позади дома (“Замечательный садик! Раз, два, три... двадцать шесть деревьев”» [12, с. 20].

Выбранный здесь в качестве примера литературного маркера социальных процессов образ яблоневого сада как развернутой метафоры, аллегории всего, для советского человека общественно-чуждого, с легкой руки Павленко стал кочевать из текста в текст. При всей незначительности в качестве сюжетного вкрапления, иногда в форме аполога, он узнаваемо обозначал отрицательных персонажей. Как, например, в романе Юрия Лаптева «Заря», посвященном теме «подъема» послевоенных колхозов: «Не колеблясь, раскулачил свояка, собственной жены дядю. Такое поведение односельчане расценили положительно и выбрали Шаталова председателем сельсовета. Правда, на этой должности он пробыл недолго, но успел оттягать для своей семьи кирпичный пузатый домик с лучшим по селу фруктовом садом. Все того же дяди. <...> В колхозе Иван Данилович работал, как сам выражался, “не хуже других прочих”. Но и не лучше. А жил богаче, в основном за счет наследия. “Из яблочков приноровился и блины печь и валенки катать”. Злые все-таки языки у людей» [9, с. 35].

Подобные кочующие по разным литературным страницам метафоры или стереотипные сюжетные ходы, указывающие на чужаков, были нередки. Почему именно павленковскому «яблоневому саду» удалось стать в контексте политики

послевоенной стабилизации идеальным символом чужого и чуждого?

«В СССР под яблоней занято около 70 % всей площади садов. Благодаря выведению новых морозостойких сортов, главным образом от скрещивания с мелкоплодной сибирской яблоней и с китайкой, культура яблони продвигается в северные области европейской части СССР, а также на Урал и в Сибирь, к новым промышленным центрам. Много прекрасных сортов яблони и груши выведено знаменитым И. В. Мичуриным» [5, с. 41]. Эта цитата, хоть и имеет конкретный источник, представляет собой безусловный трюизм советской культуры, миллионы раз тиражированный авторами учебной и популярной литературы.

Однако ни распространенность яблони, ни традиционность культурного сюжета «из детских воспоминаний» про воровство яблок в чужом саду не проясняют ту универсальность смыслов, содержащуюся в образе лично выращенных яблок, что сделала его символом в пропагандистской кампании. Пусть даже владелец чужого сада, еще по довоенной литературной традиции, как правило, малопривлекательный тип с собственнической психологией, – но ведь это же у него воруют. А в новом, актуализированном Павленко, прочтении этого сюжета, желая выращивать яблоки, герой сам полагается вором и чужаком.

Если рассмотреть проблему чужого как проблему философскую, то ее феноменологическое разрешение базируется на утверждении, что «не существует “определенного чужого”, а существуют различные стили чуждости. Чуждость определяется, как сказал бы Гуссерль, окказионально, имея отношения к соответствующим здесь и теперь» [3, с. 126].

Что ж, яблоневые сады находятся на земле здесь и теперь, и это должно было бы быть очевидным. Но ведь даже в приведенной ботанической цитате обращает на себя внимание, что упомянутые в ней яблони и по отдельности, и в составе садов несколько отчуждены от читателя. Они есть государственное коллективное дело – ведь не «в садах у нас», а «в наших садах» растут они. И по воле государства сады эти продвигаются куда-то далеко, то есть их «здесь» уже несколько неопределенное.

Да и с «сейчас» возникают проблемы, ведь эти чудесные сады произрастают все более в будущем. Это мичуринская утопия преобразования природы, хоть и предполагавшаяся случиться не просто скоро, а «прямо вот сейчас», но, тем не

менее, реализовавшаяся в полной мере разве что как модель для разнообразных рогов изобилия в лепнине фасадов домов, станций метро, павильонов московской ВСХВ или иллюстраций в школьных учебниках ботаники. В общем, как пишет Б. Вальденфельс, «место чужого оказывается, кроме того, местом особого рода. Его невозможно нанести на карту местности, по которой мы передвигались бы свободно, так как оно достигается только в преодолении преграды, то есть в полном смысле – никогда» [3, с. 126].

Таким образом, приписанное кому-то желание обладать яблоневым садом воспринимается людьми, чье сознание существует в рамках культурных кодов господствующей идеологии, как обладание их коллективной грезой о будущем, и таком будущем, которого их лишают. И не важно, насколько определены представления об этом «завтра», ведь «чужое... становится частью смыслового целого даже тогда, когда последнее не может быть раскрыто само» [3, с. 128]. Раз мы уверены, что каждый, заполучивший яблоню, отнимает ее у нас, то это значит, что у нас есть и много большее этих нескольких яблонь – «то, что могло бы быть». В живописании этого «что могло бы быть» пропаганда старалась всюю. В стране кипела работа: каскад волжских ГЭС, канал Волга-Дон, новое здание МГУ, разведка и разработка новых нефтяных месторождений и т. д. И в своем беллетризованном варианте эта идеология созидания, когда речь идет о соучастии в «великих стройках», выглядит так: «... вот я, простая советская девчонка, дочь рабочего, погибшего на войне, строю сооружения, которые будут украшать нашу землю и в две тысячи и в три тысячи... бог знает, каком далеком году!» [13, с. 145]; «приехали сюда по призыву Коммунистической партии для того, чтобы построить все эти самые большие, самые умные и самые смелые сооружения нашего времени... Мы строим их для себя и для вас, наших потомков, самых счастливых людей на земле» [13, с. 163]. Кто тут может думать про свои три яблони? Только чужой.

Есть, правда, еще один, и совершенно необходимый для пропаганды вариант. Мичурин умер в 1935 г., и для поддержания бытования утопии в послевоенное время нужны его продолжатели. Это должны быть успешные примеры, естественно, примеры бескорыстные, ограниченные в своей деятельности небольшим регионом, и лучше, чтоб регион этот находился где-нибудь подальше. Таким примером является Терентий Мысник, герой «Сахалинских записок» И. Оси-

пова 1945 г.: «Придет время, и “сахалинка” зацветет в больших садах. У Сахалина будут свои фрукты» [11, с. 42]. Что ж, «чужое находится где-то в другом месте; его отделяет от собственного порог, подобно тому как сон отделен порогом от бодрствования...» [3, с. 125].

А что же оппоненты власти, те самые сформировавшиеся в военное время группы среднего класса? Удивительно, но и до 1953 г. они решались возражать официальной идеологии. Правда, надо было постараться разглядеть в этих как бы случайных репликах, к примеру, ответ Павленко на его пассаж про маленькие домики у теплого моря. Вот лирическая сценка из блокадной жизни супружеской четы, извлеченная из записок врача Аркадия Коровина: «– Ты знаешь, – перебил я однажды Шуру, охваченный мечтой о будущем. – После войны мы уедем в какой-нибудь маленький южный городишко. Там не будет этого ужасного холода. Мы снимем домик в саду и купим самую яркую, двухсотсвечевую лампу...» [8, с. 245]. Конечно, это может только косвенно относиться к тексту Павленко. Хотя вряд ли – развернутая в 1948 г. дискуссия не могла остаться незамеченной ни авторами, пишущими о войне и судьбах воевавших, ни их редакторами. Всем им трудно было пройти мимо образцового романа о советском счастье, не ознакомившись с его содержанием и образным рядом. Позже даже В. Шкловский в воспоминаниях об П. А. Павленко вынужден был, хоть и весьма двусмысленно, но упомянуть об этом произведении и его теме.

Более откровенные литературные возражения последовали уже после 1953 г. Рассмотрим это на примере сборника рассказов Н. В. Богданова «Кряженок» (1957 г.). О важности этого сборника для творчества писателя свидетельствует исключительное место, уделенное ему Львом Разгоном в предисловии к двухтомнику Н. Богданова, вышедшему в 1966 г. О противоречии рассказов сборника сложившемуся в литературе политическому канону можно судить уже по вступлению – «Рассказ о рассказчике». В нем автор признается, что герои его рассказов «близки ему по воспоминаниям детства». Но это не просто печаль по ушедшей молодости – герои близки ему особой этикой труда, в основе которой откровенно частнособственнические представления. Н. Богданов декларирует важность опоры человека на себя и семью, полагая значение трудового коллектива или пионерской/комсомольской организации вторичным. Подобное, мягко говоря, идет в разрез с тем, что читателю предлагала советская ли-

тература: «Захотелось нам ягод и яблок – развели сад. Захотелось меду – завели пчел. У нас вся семья такая была. Отец работал врачом в больнице, а когда после революции крестьяне разделили помещичьи имения, тоже взял надел земли» [1, с. 4]. И далее: «Мы уже студентами были, а все возвращались на лето домой на каникулы, чтобы власть покосить, помолотить. Уезжали нагруженные медом с нашего пчельника, пышками и пирогами из муки своего помола и домашними окороками и колбасами, оставив родителям и хлеба в амбаре на всю зиму, и картошки полный погреб, и сеном набитые сушила» [1, с. 5]. Кажется, что эта проповедь благополучия написана неким скандинавским писателем, воспевающим протестантскую трудовую этику и зная ничего не знающим ни о колхозной реальности, ни об истории продразверстки, ни о советском настоящем.

Подобные декларации следует рассматривать, прежде всего, в контексте политики Г. М. Маленкова, делавшего ставку на средний класс и использовавшего идеи, связанные с понятием сбалансированного развития, выдвинутым за несколько лет до этого председателем Госплана СССР Н. А. Вознесенским, репрессированным в 1950 г. по «ленинградскому делу». Период этой политики оказался недолговечен: к власти пришел Н. С. Хрущев. И уже в новой пропагандистской кампании по борьбе с личным хозяйством, с ее взлетевшим налогообложением плодовых деревьев и кустарников, оказалась востребованной знакомая нам метафора.

Вот вор осматривает дачные участки в повести Н. Москвина «Два долгих дня» (1958–1960 гг.): «Только одну хозяйку он одобрил: какая-то высокая худощавая старуха рогатинами подпирала тяжелые, полные плодов ветви яблони. Здоровые, в кулак, августовские яблоки уже просились упасть, да пусть еще повисят, пусть еще поболее нальются. Ужухов окинул взглядом это дерево и другие деревья в саду – такие же полные и тяжелые. «Вот эта бабушка мозгами шевелит! Даже если плохо-плохо по рублю за яблочко, то сколько загребет!..» [10, с. 10].

Итог не заставил себя ждать, и его тоже можно увидеть в литературном отражении. Диалог из книги К. Буслова «Пятьсот часов тишины» (1966 г., дело происходит на Урале, на берегу реки Чусовой): «На Курщине, скажем, много садов? На весь бы Урал хватило! А и там вырубали. Выходит, не до садов людям было. Трещали деревья-то не от яблок-груш – от налогов. Если бы не это,

давно бы и тут шумели сады, ребята!» [2, с. 117]. В общем, «рябина – вот наша северная яблоня» [2, с. 109]. Это высказывание вполне четко маркирует и конец утопии, и начало распада социальной базы, позволившей политическому режиму в послевоенном СССР восстановить иерархию власти и контроль над обществом.

Библиографический список

1. Богданов, Н. В. Кряженок. Рассказы [Текст] / Николай Богданов – М.: Детгиз, 1957. – 160 с.
2. Буслов, К. Пятьсот часов тишины. Заметки. Размышления. Споры. И даже стихи [Текст] / К. Буслов. – М.: Мысль, 1966. – 159 с.
3. Вальденфельс, Б. Мотив чужого [Текст] / Бернхард Вальденфельс; перевод с нем. О. Шпараги; [научный ред. А. А. Михайлов; отв. ред. Т. В. Щитцова]. – Минск: ПроPILEI, 1999. – 176 с.
4. Власова, Е. С. 1948 год в советской музыке. Документированное исследование [Текст] / Екатерина Власова. – М.: Издательский дом «Классика – XXI», 2010. – 436 с.
5. Вульф, Е. В. Главнейшие культурные растения, их описание и происхождение [Текст] / Е. В. Вульф. – М.: ОГИЗ – «Сельхозгиз», 1940. – 152 с.
6. Горбатов, Б. Л. Знамя победы [Текст] / Борис Горбатов // Правда – 1948. – 9 мая.
7. Зубкова, Е. Ю. Общественная атмосфера после войны (1945–1946) [Текст] / Елена Зубкова // Свободная мысль. – 1992. – № 6 (апрель). – С. 4–14.
8. Коровин, А. Салют на Неве. Записки военноморского врача [Текст] / Аркадий Коровин. – Л.: Советский писатель, 1950. – 416 с.
9. Лаптев, Ю. Заря [Текст] / Юрий Лаптев. – М.: Московский рабочий, 1951. – 260 с.
10. Москвин, Н. Я. Проходит время. Повести и рассказы [Текст] / Николай Москвин. – М.: Советский писатель, 1980. – 464 с.
11. Осипов, И. З. Сахалинские записки [Текст] / Иосиф Осипов. – М.: Молодая гвардия, 1956. – 288 с.
12. Павленко, П. А. Счастье [Текст] / Петр Павленко. – М.: Советский писатель, 1948. – 302 с.
13. Полевой, Б. Современники [Текст] / Борис Полевой. – М.: Советский писатель, 1954. – 344 с.
14. Фильцер, Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны [Текст] / Дональд Фильцер; [пер. с англ. А. Л. Раскина]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 359 с.
15. Хоскинг, Д. Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе [Текст] / Джеффри Хоскинг; [пер. с англ. В. Артемова]. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 544 с.
16. Dunham, V. In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction. Cambridge, 1976. – 416 p.

17. Duskin, J. E. *Stalinist Reconstruction and the Confirmation of a New Elite, 1945–1953*. Basingstoke, 2001. – 380 p.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bogdanov, N. V. *Kryazhonok. Rasskazy* [Tekst] / Nikolay Bogdanov – M.: Detgiz, 1957. – 160 c.

2. Buslov, K. *Pyat'sot chasov tishiny. Zаметki. Razmyshleniya. Spory. I dazhe stikhi* [Tekst] / K. Buslov. – M.: Mysl', 1966. – 159 s.

3. Val'denfel's, B. *Motiv chuzhogo* [Tekst] / Bernkhard Val'denfel's ; perevod s nem. O. Shparagi; [nauchnyy red. A. A. Mikhaylov; otv. red. T. V. Shchitsova]. – Minsk: Propilei, 1999. – 176 s.

4. Vlasova, Ye. S. *1948 god v sovetskoy muzyke. Dokumentirovannoye issledovaniye* [Tekst] / Yekaterina Vlasova. – M.: Izdatel'skiy dom «Klassika – KHKHИ», 2010. – 436 s.

5. Vul'f, Ye. V. *Glavneyshiyе kul'turnyye rasteniya, ikh opisaniye i proiskhozhdeniye* [Tekst] / Ye. V. Vul'f. – M.: OGIZ – «Sel'khozgiz», 1940. – 152 s.

6. Gorbatoв, B. L. *Znamya pobedy* [Tekst] / Boris Gorbatoв // Pravda – 1948. – 9 maya.

7. Zubkova, Ye. YU. *Obshchestvennaya atmosfera posle voyny (1945–1946)* [Tekst] / Yelena Zubkova // Svobodnaya mysl'. – 1992. – № 6 (aprel'). – S. 4–14.

8. Korovin, A. *Salyut na Neve. Zapiski voyennomorskogo vracha* [Tekst] / Arkadiy Korovin. – L.: Sovetskiy pisatel', 1950. – 416 s.

9. Laptev, YU. *Zarya* [Tekst] / Yuriy Laptev. – M.: Moskovskiy rabochiy, 1951. – 260 s.

10. Moskvин, N. YA. *Prokhorit vremya. Povesti i rasskazy* [Tekst] / Nikolaj Moskvин. – M.: Sovetskiy pisatel', 1980. – 464 s.

11. Osipov, I. Z. *Sakhalinskiye zapiski* [Tekst] / Iosif Osipov. – M.: Molodaya gvardiya, 1956. – 288 s.

12. Pavlenko, P. A. *Schast'ye* [Tekst] / Petr Pavlenko. – M.: Sovetskiy pisatel', 1948. – 302 s.

13. Polevoy, B. *Sovremenniki* [Tekst] / Boris Polevoy. – M.: Sovetskiy pisatel', 1954. – 344 s.

14. Fil'tser, D. *Sovetskiye rabochiye i pozdnyy stalinizm. Rabochiy klass i vosstanovleniye stalinskoy sistemy posle okonchaniya Vtoroy mirovoy voyny* [Tekst] / Donal'd Fil'tser ; [per. s angl. A. L. Raskina]. – M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN): Fond «Prezidentskiy tsentr B. N. Yel'tsina», 2011. – 359 s.

15. Khosking, D. *Praviteli i zhertvy. Russkiye v Sovetskom Soyuze* [Tekst] / Dzheffri Khosking ; [per. s angl. V. Artemova]. – M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2012. – 544 s.

16. Dunham, V. *In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction*. Cambridge, 1976. – 416 p.

17. Duskin, J. E. *Stalinist Reconstruction and the Confirmation of a New Elite, 1945–1953*. Basingstoke, 2001. – 380 p.